

БАРБАРА КАРТЛЕНД

<i>Любовь уходит в полночь</i>	<i>Любовь на краешке луны</i>
<i>Очарованная вальсом</i>	<i>Цветок пустыни</i>
<i>Бесценный выигрыш</i>	<i>Таинственный жених</i>
<i>На парусах мечты</i>	<i>Любовные сети</i>
<i>Рапсодия любви</i>	<i>Шелковый поцелуй</i>
<i>Голубоглазая ведьма</i>	<i>Влюбленные беглецы</i>
<i>Английская мадонна</i>	<i>Медальон для невесты</i>
<i>Неожиданное наследство</i>	<i>Черная пантера</i>
<i>Дуэль сердец</i>	<i>Любовь и колдовство</i>
<i>Нежность лунного света</i>	<i>Поцелуй в Риме</i>
<i>Прелестная беглянка</i>	<i>Парижские соблазны</i>
<i>Египетские ночи</i>	<i>Слушай, смотри, люби</i>
<i>Звезды в моем сердце</i>	<i>Мудрость сердца</i>
<i>Ледяная дева</i>	<i>Искушение Торильи</i>
<i>Стрелы любви</i>	<i>Исчезнувшая невеста</i>
<i>Монетка на счастье</i>	<i>Огни Парижа</i>

БАРБАРА КАРТЛЕНД

Огни Парижа

Москва
«ЭКСМО»
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
К 27

Barbara Cartland
THE GOLDEN ILLUSION
© Barbara Cartland, 1978, 1986

Перевод с английского *И. Гюббенет*

Художественное оформление *С. Ляха*

Картленд Б.
К 27 Огни Парижа / Барбара Картленд ; [пер. с англ.
И. В. Гюббенет]. — М. : Эксмо, 2014. — 256 с. —
(Моя прекрасная леди. Барбара Картленд).

ISBN 978-5-699-71511-4

Юная Линетта, едва очутившись в Париже, тут же попала в развращенный мир богемы. Ее родственница, оказавшая девушке покровительство, по достоинству оценила свежую красоту Линетты и решила извлечь из нее максимальную выгоду. Девушку охватил ужас, когда она, очутившись в отдельном кабинете ресторана наедине с богатым развратником, вдруг поняла, какая ей уготована участь...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Гюббенет И., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-71511-4

Глава 1

1869 год

*М*аркиз Дарльстон взял со стола наполненный бокал и пригубил из него. Море спокойное, можно было бы обойтись и без шампанского, подумал он. Он редко пил днем без крайней необходимости. Взгляд маркиза равнодушно скользнул по роскошной обстановке каюты первого класса, которую он занимал, и упал на папку с документами, полученными им в Дувре от премьер-министра перед самым отплытием парохода. Чтобы не тратить времени, решил ознакомиться с ними.

Неожиданно дверь каюты распахнулась, и на пороге, к величайшему удивлению маркиза, возникла женщина.

Маркиз хотел было уже сказать ей, что она ошиблась и попала в чужую каюту, но его остановило испуганное выражение лица

незнакомки. Он понял также, что она очень-очень молода и на редкость хороша собой.

— Простите, — сказала она робко, с трудом переводя дыхание, — не могла бы я побыть здесь минутку?

С этими словами она оглянулась через плечо, словно желая убедиться, что дверь надежно закрыта, и извиняющимся тоном добавила:

— Там... там один человек... Он никак не оставляет меня в покое.

Маркиз встал.

— Проходите, пожалуйста, — сказал он. — А я позабочусь о том, чтобы этот человек, кто бы он ни был, не докучал вам.

Он решительно направился к двери.

— Нет, нет, пожалуйста, не надо, — умоляюще произнесла девушка. — Я никому не хочу доставлять неприятности. Я сама виновата, мне не нужно было выходить на палубу. Но внизу все почему-то чувствуют себя дурно, хотя море спокойное.

— Ну что ж, тогда могу я предложить вам бокал шампанского? Вам сразу станет лучше, — сказал он и повторил: — Присядьте, прошу вас.

Девушка не стала возражать. Взяв бутылку из ведерка со льдом, второй бокал и наполнив его шампанским, маркиз повернулся к незнакомке. Первое впечатление его не обмануло: она была полна какой-то совершенно необъяснимой прелести, даже скромное дорожное платье придавало ей очарование.

— Вы, конечно, путешествуете не одна? — спросил маркиз, чтобы как-то продолжить разговор. — Вас сопровождают?

— Меня некому сопровождать, — проговорила она тихо.

— Мне кажется, нам пора познакомиться, — сказал мужчина, опускаясь в кресло напротив. — Я маркиз Дарльстон.

— Меня зовут Линетта Фалейз.

— Счастливы с вами познакомиться, *mademoiselle* Фалейз, — сказал маркиз с улыбкой, которую большинство женщин находили неотразимой.

Линетта слегка наклонила голову, и это движение показалось Дарльстону в высшей степени грациозным.

Ее темно-синие глаза напоминали маркизу море в непогоду, а длинные темные ресницы составляли разительный контраст со светлыми локонами.

«Удивительная девушка, — подумал он, — миниатюрная, изящно сложенная, в ее личике с огромными глазами и маленьким прямым носом и во всем облике есть что-то трогательно юное и чистое. Интересно, откуда она родом? На француженку не похожа, и все же, несмотря на ее белокурые волосы, в ней чувствуется что-то неанглийское».

Словно прочитав его мысли, Линетта сказала:

— Моя мать родом из Нормандии, поэтому у нее были светлые волосы в отличие от большинства француженок.

— Вы бывали раньше во Франции? — спросил маркиз, и слова его прозвучали скорее как утверждение, чем как вопрос.

Линетта отрицательно покачала головой.

— А сейчас вы направляетесь к родственникам в Нормандию?

— У меня нет родных. Я еду в Париж к... подруге.

— Значит, она встретит вас в Кале?

— Нет, — ответила девушка. — Мне придется добираться самой, но... я уверена, что все будет хорошо, как только я окажусь там. — В ее голосе прозвучало сомнение...

Маркиз почувствовал неуверенность в ее голосе, но тут же сказал себе, что его это нисколько не касается. Не хватало еще ему заниматься чужими делами, когда его самого в Париже ожидает сложное задание.

Однако маркиз не мог справиться с чувством некоторого любопытства, которое он испытывал в отношении Линетты Фалейз, и причиной этому была не только ее явная привлекательность; Дарльстону казалось, что в Линетте есть что-то, отличающее ее от всех девушек, которых он встречал в Лондоне и во время своих путешествий.

Его неожиданная гостья уже достаточно долго держала в руке бокал, но так ни разу и не отпила из него.

— Я никогда раньше не пила шампанского, — заметив вопросительный взгляд маркиза, объяснила она свое замешательство, — но мама мне о нем рассказывала.

Сделав маленький глоток, Линетта сказала:

— Мама была права. Она всегда говорила, что у шампанского необыкновенный вкус, непохожий на все другие вина.

— Вы говорите как знаток! — заметил с шутливой серьезностью маркиз.

Линетта смутилась.

— Я не хочу показаться самонадеянной, но просто дело в том, что мама знала толк в винах и научила меня разбираться в них, хотя... — она сделала паузу и грустно улыбнулась, — мы редко могли себе позволить что-нибудь, кроме воды.

Какая нелепость, подумал маркиз, что такая девушка путешествует одна. Ей никогда не избавиться от домогательств мужчин, считающих одинокую женщину, и в особенности такую красивую, легкой добычей.

— Что побудило вас войти в мою каюту? — спросил он.

Линетта опустила глаза, и ее бледные щеки порозовели.

— Я видела, как вы поднимались на борт, милорд, — волнуясь, сказала девушка, — и я подумала, что... Вы выглядели так благородно... — Румянец у нее на лице сделался еще ярче. — Я почему-то почувствовала, что с вами я буду... в безопасности. — Она умолкла.

— В полной, — заверил ее маркиз. — Но все же я считаю большой неосторожностью с вашей стороны отправиться в Париж одной, без компаньонки.

— Я знаю, что так не полагается, — тихо ответила Линетта, — но у меня не было другого выхода.

* * *

Слушая слабый голос *mademoiselle* Антиньи, Линетта чувствовала, как у нее сжималось сердце.

— Я... я думала о тебе, Линетта. Тебе придется поехать в Париж к моей племяннице. Больше тебе деться некуда... некуда!

— Не говорите так, *mademoiselle*! Вы поправитесь... вы должны поправиться! — Но, произнося эти слова, девушка ни на что не надеялась.

Надежда на выздоровление *mademoiselle* оставила ее после первого же визита доктора к ней.

Как ни старался врач щадить чувства молодой девушки, Линетта поняла, что ее гувернантка, которую она знала и любила с самого раннего детства, умирает.

— Мне нужно тебе кое-что сказать, — проговорила *mademoiselle* Антиньи. Линетта видела, какого усилия ей это стоило.

— Я слушаю вас, — откликнулась девушка.

— Я давно хотела тебе кое-что сказать, — повторила mademoiselle, — но я все откладывала, думала, время еще есть, спешить некуда. Но теперь у меня его остается совсем мало.

Линетта нежно сжала лежавшую поверх одеяла руку старушки и низко наклонилась, чтобы избавить mademoiselle от необходимости повышать голос.

— Два года назад, после смерти твоей матери, — сказала mademoiselle, — деньги, на которые вы жили, перестали поступать.

— Перестали? — удивленно переспросила Линетта.

— Пришло письмо, в котором сообщалось, что деньги, которые твоя мать получала каждые три месяца с тех пор, как умер твой отец, больше высылаться не будут. Ты найдешь письмо в среднем ящике моего стола.

Эта недолгая речь утомила mademoiselle. Едва дыша, она лежала совершенно обессиленная. Помолчав немного, Линетта задала мучивший ее вопрос:

— Тогда на что же мы жили?

— На мои сбережения.

— О нет, mademoiselle! Как вы могли быть так добры, так великодушны, так щедр-

ры? Мне следовало найти работу. Я не должна была позволять вам тратить на меня свои деньги!

— Они предназначались тебе; при других обстоятельствах ты бы получила их после моей смерти, — ответила mademoiselle. — Но теперь, моя любимая, их больше нет... они кончились...

Она судорожно вздохнула и продолжила:

— Когда я умру, продай все и на деньги, вырученные за дом и обстановку, поезжай в Париж. Я не в силах написать моей племяннице, но ты напиши сама... Напиши письмо от моего имени, а я подпишу его.

— Вы думаете, она захочет помочь мне? — засомневалась Линетта.

— Мари-Эрнестина — добрая девушка. Она... она присмотрит за тобой и найдет тебе работу... — У mademoiselle Антиньи перехватило дыхание, и Линетта проворно взяла со столика флакон с лекарством.

Заботливо поддерживая старушку, девушка подала ей таблетку и поднесла к губам стакан с водой.

Проглотив лекарство, mademoiselle Антиньи устало откинулась на подушки, закры-

ла глаза и несколько минут лежала без движения.

Отдохнув, mademoiselle Антиньи снова заговорила:

— Как я уже говорила, Мари-Эрнестина — добрая девушка. Я помогала ей, пока ее мать... не забрала к себе в Париж. Бедняжка Мари-Эрнестина! — Старушка вздохнула. — В отчаянии она спряталась на чердаке. Ей так не хотелось уезжать! Она писала мне потом о пансионе при монастыре, куда ее определил друг ее матери. И с тех пор она продолжала писать мне... каждое Рождество.

— Да, я помню, как вы радовались, получая ее письма, — подтвердила Линетта.

— Мари-Эрнестина, видимо, нашла себе в Париже хорошее место, — продолжила mademoiselle Антиньи. — Она не писала мне, какое именно, но ее мать служила в нескольких высокопоставленных семействах. На последнее Рождество Мари-Эрнестина сообщила мне свой новый адрес — авеню Фридлянд.

Собрав последние силы, mademoiselle приступила к главному.

— А теперь — письмо. Пиши, дорогая, — сказала она, и Линетта повиновалась.

Это письмо вселяло в нее уверенность и давало надежду, когда mademoiselle скончалась и дом, в котором Линетта жила с тех пор, как начала себя помнить, был продан.

Линетта понимала, что советы mademoiselle были мудры. Одной ей жить нельзя. В Париже, говорила она себе, Мари-Эрнестина найдет ей какую-нибудь работу, у нее будет друг, к которому она сможет обратиться, оказавшись в затруднительном положении.

Как мало людей, оказывается, она знала в своей жизни! Ее мать и гувернантка — вот и все, с кем она общалась.

Маленькая деревушка Окли, в которой поселилась ее мать после своего замужества, находилась в ужасной глуши. Единственной связью с городом была почтовая карета, маршрут которой проходил через Окли, но местные жители очень редко куда-либо выезжали. Ее мать, насколько Линетта могла помнить, никогда не ездила в Оксфорд. Миссис Фалейз устраивала жизнь в небольшом домике с садом, за которым она ухаживала сама.

«Наверное, у мамы нет знакомых англичан, потому что она французженка», — взрослея, часто думала Линетта.